

Саша Чёрный

Московский случай

*Часть сборника
Избранная проза*

Саша Чёрный

Московский случай

«Public Domain»

1926

Чёрный С.

Московский случай / С. Чёрный — «Public Domain», 1926

«Перед самой войной судьба меня с корнями пересадила из волынского чернозема в Санкт-Петербургский торф. Еще по старому романсу известно – «судьба играет человеком», – ничего не попишешь...»

Саша Чёрный

Московский случай

Рассказ обывателя

Перед самой войной судьба меня с корнями пересадила из волынского чернозема в санкт-петербургский торф. Еще по старому романсу известно – «судьба играет человеком», – ничего не попишешь.

Долго не мог привыкнуть. Очень все парадно: дворцы, проспекты, римские тройки на крышах, Нева в гранитном корсете... Слов нет, красота, но сердце зазябло и съежилось. Природа к тому же на любителя – зимой черные дни, летом белые ночи, осень и весна на один салтык, светлой улыбки на небе не увидишь... Не одобряю.

На эмигрантском расстоянии пейзажец, правда, заголубел, солнцем воспоминания насквозь омыт, однако в те давние времена очень я себя неуютно чувствовал в столице. Все о своем Житомире вздыхал: тополя, бульвары, Тетерев в скалах, маевки за рекой в «Зеленой роще»... Провинциал? Что ж!.. Каждому своя смоковница симпатична.

Служил я в Петербурге на Загородном. В Службе сборов Варшавской дороги по отделу местной таксировки. Переборы и недоборы. С утра сидишь, сжав коленки, над грязными накладными, указательным перстом по графам водишь, заблудшие копейки разыскиваешь. А со мной в комнате двадцать три девицы, один я мужчина, не считая тухлого немца Циммермана. Можете себе представить, до чего я женоненавистником стал!

Немец серьезный был – сам курил и газету читал, а мне запрещал. И болтовни этой сорочьею при нем не было. Счеты кричат, перышки шелестят; голову подымешь, на желтый пар в окне уставившись и весь скорчишься, как райская птица в банке из-под маринованной корюшки.

А чуть Циммерман за дверь, – круглая язва желудка у него была, часто он за дверь бегал, – двадцать три девицы в двадцать три языка как начнут щелкать (меня они не стеснялись, словно я евнухом при их счетоводном гареме состоял), как начнут прищелкивать... Господи! И из себя к тому же, как вам сказать, сплошное сухожилие. Цвет лица, как у лежалого бисквита, уши насквозь светятся. Другая и поосновательнее, да все какая-то простоквашная полнота: пером ткнешь, сыворотка прольется. И на улице – сколько их мимо в тумане промаячит навстречу. Улица, что ли, была такая незадачливая, однако хоть и столица, – далеко им, петербургским килькам, до житомирских лебедей.

* * *

Весной от приятеля письмо из Москвы пришло, от Васеньки Болдырева, – в одном полку, в одной роте вольнооперами были...

Пишет коротко и ясно: «Живу, друг Федор, по-царски. Служу у архитектора Чепцова по чертежной части, сто двадцать пять целковых охватываю. Приезжай, черт, погостить. стыдно даже – русский человек Москвы не видал. Мать и сестра просят. Заочно тебя в ангелы произвел, смотри – не подведи...»

Это точно – не пью я, не курю, в карты дальше подкидных дураков не развешивался и к женщинам, как выше указано, хладнокровен... Чем не ангел?

Словом, взмыло меня, жаворонком сорвался с причала. Счеты локтем отодвинул, пошел в Личный состав, доложил: так и так, по домашним обстоятельствам прошу на две недели отпуск, без сохранения содержания, с выпиской мне в Москву и обратно присвоенного мне по должности билета 2-го класса. К концу занятий все было готово. Не успел мне Циммерман палку в колеса вставить, рот раскрыл, а я общий поклон – и к двери.

Вечером к Николаевскому вокзалу подъехал, – мгла, мокрый снежок, навозная каша, под штиблет снизу ветер пробирается... Разыскал свой вагон, залег на верхнюю полку падишахом...

Утром проснулся: пейзаж! В стеклах небесный василек, белая тучка над телеграфными проводами висит, вокруг веселая пестрядь, грузные рекламы на столбах, вокзалы шатрами, вдали горит позолота... лязг телег, ширина, солнце. Скатился я мячиком, визави своего на верхней полке бужу: «Вставайте, что ли, к Москве подъезжаем!»

А он лохматую грузинскую голову свесил, осовелыми глазами по вагону повел и под технологической тужуркой перстами скребет:

– Большинство спит!

Должно быть, социал-демократ был. Я портплед кое-как свалял, продрался сквозь вокзальную гущу, на площадь вышел.

– Господи, твоя воля... Да ведь это я *домой* приехал!

* * *

Вахлак-извозчик меня по дороге насмешил. Я во все глаза смотрю, словно давнюю детскую книжку с картинками нашел, вспоминаю страницу за страницей, а он с разговорами пристает. К кому еду? Да кто такой?

– Англичанин я, – говорю. – По-русски не понимаю.

Старик обиделся, шею в ворот втянул, как черепаха, и замолчал. Потом повернулся, из-под своего бурого цилиндра с пряжкой на меня покосился и пробурчал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.